

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ФЕНОМЕНЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

А.Д. Карнышев (Иркутск)

Аннотация. Расширение межэтнических контактов россиян как внутри страны, так и за рубежом требует повышения их межкультурной компетентности. Автор рассматривает проблемы, возникающие в процессе контактов.

Ключевые слова: межкультурная компетентность, гостеприимство, культурный шок, механизм этнической защиты, ксенофобия.

В последние годы проблема эффективности межкультурных коммуникаций оказалась в центре внимания представителей гуманитарных наук во всем мире. На это имеется ряд веских аргументов.

1. В геометрической прогрессии возрастает количество межнациональных контактов, в которые приходится вступать отдельному индивиду в течение жизни, причем в России их рост особенно заметен для младших поколений. В рамках исследования проблем мы попросили старшеклассников ряда школ Иркутской области ответить на вопрос: «В каких нижеперечисленных формах межэтнического взаимодействия приходилось участвовать Вашим родителям и, скорее всего, придется Вам» (в процессе исследования в 20 городах и районах Иркутской области было опрошено 1 180 старшеклассников, 980 родителей учащихся, 860 учителей школ). В отношении межэтнических контактов родителей по рангу были показаны следующие формы:

- 1) туристические поездки в зарубежные страны (47,5);
- 2) работа на совместных предприятиях (27,3);
- 3) взаимодействие с зарубежными туристами (23,6);
- 4) торговые контакты с зарубежными бизнесменами (16,7);
- 5) участие в международных конкурсах и олимпиадах (11,5);
- 6) участие совместно с зарубежными гражданами в экологических и иных мероприятиях;
- 7) стажировки на зарубежных предприятиях;
- 8) обучение (частичное или полное) в зарубежных вузах.

Приведенные данные фиксируют достаточно широкий спектр международных контактов «среднего» поколения (возраст родителей современных старшеклассников 35–40 лет), о чем даже не могло мечтать «старшее» поколение в 1960–1980-х гг. Однако в оценках собственных перспектив межнациональных взаимодействий намерения современных детей идут значительно дальше (как минимум в 1,5 раза) по большинству из приведенных форм.

Можно высказать уверенность, что при аналогичном опросе респондентов, проживающих не в Сибири, а в

центральных регионах России (Москва, Санкт-Петербург и др.), были бы получены цифры, заметно отличающиеся в сторону увеличения. Как и сибирские показатели, они могут отражать и отражают общие тенденции нашего времени, и эти тенденции в обозримом будущем вряд ли изменятся.

2. Существующие в мире достаточно длительный период глобалистические идеи о неизбежной унификации народов и наций, мягко говоря, не получили повсеместного признания. Сторонники глобализма утверждали, что в скором времени люди утратят такую характеристику, как «этническая идентичность», и превратятся в космополитов – граждан одного «великого мира» без каких-либо национальных различий. Этот тезис вряд ли достаточно обоснован и актуален. Даже в самых интернациональных государствах люди стремятся сохранить свою этническую самобытность. Известнейшие американские экономисты в учебнике, подготовленном для студентов всего мира, пишут: «Соединенные Штаты часто называют “плавающим котлом” – местом, где представители разных наций и культур сплавляются в единое более однородное целое. Может быть, Соединенные Штаты более правильно называют «чашей для приготовления салата», в которой различные группы смешиваются друг с другом, но при этом сохраняют свое разнообразие, не теряя важных этнических и культурных особенностей» [6. С. 445]. Можно уверенно говорить, что «этнический салат» в разных странах – это сообщество, которое дорожит специфическим вкусом каждого ингредиента и понимает, что утрата любого из них снижает разнообразие и уникальность человеческой жизни.

3. Оба названных выше обстоятельства требуют как можно более быстрого отхода разных народов от давно установившихся и естественно устоявшихся стереотипов и предрассудков по отношению друг к другу. О том, что здесь много негативного, свидетельствует следующий исторический факт. Сосланный в Тобольск царем Алексеем Михайловичем выдающийся славянский просветитель, серб по национальности, Ю. Крижанич в середине 1660-х гг. написал книгу «Политика», в которой,

в частности, показал отношение иностранцев к представителям русской нации, приведя и негативные высказывания:

– они пренебрегают благородными науками, пребывают в прирожденном невежестве, глупости и грубости;

– у них достаточно острый ум, но подчиняя его лишь собственной корысти и своим страстям, они становятся порочными и злонравными;

– их представители, принадлежащие к какому-либо более высокому сословию, чем остальные, очень высокомерны [7. С. 176, 177 и др.].

Ю. Крижанич показывает, в какой степени такие предвзятые мнения ранят людей, поскольку они необъективны и несправедливы, мешают устанавливать хорошие контакты между людьми разных национальностей. Одновременно автор говорит о порочности ксеномании, что по-гречески означает страсть, влечение к чужим, а в русском языке понимается как патологическая любовь к чужим вещам и народам, патологическое доверие к чужеземцам. При неумеренности такого чувства, по мнению Ю. Крижанича, страдает достоинство народа, он становится во многом обиженным и опозоренным чужеземцами. Рассматривает автор и другие примеры негативного взаимодействия народов, такие как *ксенархия* – власть чужеземных правителей, *ксениласия* – меры, направленные на сокращение общения с иностранцами и ограничение числа иноверцев, проживающих на Руси [7. С. 194–195, 498].

Мы специально обратили внимание читателя на термины и феномены, возраст которых более трех с половиной веков. Дело в том, что эти данные, во-первых, фиксируют определенную целевую направленность негативных мнений (славянофобия), во-вторых, позволяют утверждать, что аналогичные явления, практически не изменившиеся, встречаются в межнациональном взаимодействии и сегодня, значительно снижая потенциальную эффективность контактов. В связи с этим весьма актуален поиск любых положительных элементов во взаимоотношениях народов и нейтрализации негативных обстоятельств. А возможностей для подобного подхода, на наш взгляд, предостаточно. Рассмотрим это с помощью небольшого анализа понятий «ксенофобия» и «гостеприимство», которые, как мы увидим, в целом взаимосвязаны между собой.

Слово «ксенофобия» буквально переводится как страх чужих, но в бытовом языке чаще воспринимается как ненависть к чужим. Этимологически первую часть слова можно свести к двум в чём-то даже противоположным основаниям:

1) *xenia* – у древних греков и римлян означало подарки, которые хозяин делал своим гостям в знак расположения, в особенности застольные подарки; в этом случае составляющую «ксено» можно свести по смыслу к слову «гостеприимство»;

2) *xenos* – чужой, и это обстоятельство показывает некоторую, казалось бы, противоположную реалью.

Хотя, если хорошо разобраться, существенных противоречий здесь быть не может: подарки хозяина «чужим» – это наиболее яркие проявления гостеприимства. Кстати сказать, воспринимаемое сегодня как сугубо русское слово «гость» нисходит, как считают филологи, к индоевропейской основе, которая в латинском языке выражена понятием *hostis* – чужеземец. И снова «гость» – это некий чужой, к которому необходимо проявлять определённые знаки внимания, заботиться о нём, по-видимому, стараясь не выпячивать и не подчёркивать его инородность, непривычность его слов и действий.

Итак, ксенофобию можно рассматривать не только как нетерпимость к чужим, страх перед ними, но и как подготовленность дальнейшей реакции по отношению к ним. Посторонний для рода или племени человек, «инородец», к тому же не владеющий «нашим» языком, был непонятным, непривычным, в чём-то неожиданным по своим повадкам и естественно порождал боязнь группы «наших». Ответное действие по отношению к «чужому», если он не был прямым врагом, а предполагал установление связей с ним, требовало проявления осторожности, терпимости, снисходительности, т.е. толерантности. Всё это и демонстрировалось в разного рода традициях и обычаях гостеприимства.

Таким образом, этимологический, увязанный с психологическим, анализ слова «ксенофобия» приводит к пониманию его, казалось бы, парадоксальности, но на самом деле естественности заключённого в нём «яда» – «страха чужого» – и «противоядия» – понимания неизбежности «сожительства», необходимости отзывчивости и чуткости к нему. «Страшусь, но терплю и принимаю», – данное содержание можно вложить в изначальное понятие «ксенофобия». Однако, к сожалению, такое толкование слова не распространено сегодня, современный акцент сделан лишь на негативную его интерпретацию.

Антиподом ксенофобии, по Ю. Крижаничу, является ксеномания. Ее верной спутницей резонно было бы назвать и ксенофилию – любовь к чужим. Но как пирог на весь мир не испечешь, так страсть и любовь ко всем «чужим» практически невозможны, поэтому здесь, кроме пристрастия и расположения, выстраиваются и другие субъективные расстояния. Дистанция к конкретным «чужим» может быть различной: от простого неприятия, детерминируемого неосознанным страхом, до вполне осознанной и непреодолимой ненависти. Известная в социальной психологии методика определения социальной дистанции, введенная американским социологом Э. Богардусом (1925), хорошо иллюстрирует данную реалью. На шкале Богардуса дистанция устанавливается индивидом от признания и предпочтения родственников, друзей, соседей и коллег до неприемлемости некоторых этнофоров даже в целом в «моей» стране. В исследовании по гранту РГНФ «Этнопсихологические ресурсы экологической и туристической деятельности» мы модифицировали для изучения реакций жите-

лей Прибайкалья данный опросник, сформулировав вопрос: «Если бы Вы организовали семейную гостиницу типа «ночлег и завтрак» для иностранных туристов, то представителей каких национальностей Вы бы...», а далее шли варианты ответа (табл. 1).

Оговоримся сразу, что из более чем 30 представителей разных наций, к которым указана социальная дистанция, мы приводим лишь названные не менее 30% респондентов ($n > 1\,000$ человек).

Таблица, если ее рассматривать в общем плане, дает основание утверждать, что понятия «ксенофилия» или «ксенофобия» предполагают обязательное уточнение того, представители какой страны (какого народа) и на каком уровне устанавливают дистанцию по отношению к опять-таки конкретным этническим представителям.

Русофобы или семитофобы к представителям многих других национальностей могут относиться нейтрально или даже проявлять дружелюбие. Ксенофобия чаще всего «адресна», и это надо иметь в виду.

Результаты опроса русских и бурят из Байкальского региона показали, что члены разных этнических групп, живущих и воспитывающихся в близких условиях и принципиально причисляемых по своим мировоззренческим установкам к одной культуре, могут своеобразно устанавливать дистанции по отношению к другим народам. Таблица демонстрирует примеры заметных и статистически значимых различий в дистанции (особенно негативной) к представителям отдельных национальностей. Поскольку размер статьи не дает простора для детальных комментариев, предоставим возможность

Таблица 1

Отношение к приёму представителей некоторых стран в семейной гостинице русских (Р) и бурят (Б), %

Отношение к приёму	Национальность							
	Американцы		Немцы		Китайцы		Японцы	
	Б	Р	Б	Р	Б	Р	Б	Р
Приняли бы с удовольствием	16,9	16,7	14,5	21,2	1,2	2,8	15,7	12,1
Приняли бы с некоторыми условиями	15,7	13,8	0,0	0,4	15,7	7,8	13,3	7,8
Приняли бы только по необходимости	2,4	8,5	14,5	8,9	9,6	7,8	7,2	9,3
Не приняли бы ни в коем случае	3,6	4,6	8,4	5,6	7,2	20,2	2,4	5,4

самим читателям сделать некоторые выводы, но заметим, что при установлении позитивной дистанции к китайцам и японцам буряты значительно лояльнее, чем русские, и заметно меньше отвергают представителей данных национальностей, чем русские. Скорее всего, здесь сработал фактор принадлежности всех трех народов к единой (монголоидной) расе, проживания на едином географическом пространстве Азии.

Дифференцированность оценок людей разных национальностей со стороны населения Байкальского (как и любого другого) региона сопровождается и соответствующим отношением иностранных граждан к ним. Чтобы увидеть особенности образов местных жителей через призму взглядов зарубежных туристов, мы предлагали последним поставить по семантическому дифференциалу оценки (традиционно от +3 до -3) «типичному» россиянину и типичному «байкальцу», т.е. местному жителю. Одновременно респонденты оценивали качества «идеала» и самого себя. Данные опроса, вызывающие, на наш взгляд, особый интерес, приведены в табл. 2 (альтернатива дифференцированных качеств не указана, она вполне понятна).

Сама по себе иерархия качеств, отражённая в ответах зарубежных респондентов, вызывает определенный интерес. Но наиболее существенным оказался тот факт, что по ответам японцев коэффициент ранговой корреляции Спирмена (R_s) между характеристиками «я сам» и «россиянин» оказался близким нулю, т.е. какая-либо значимая взаимосвязь между качествами отсутствует. В то же время R_s между качествами «я сам» и «байка-

лец» (при уровне значимости 0,05) оказался статистически достоверным и равнялся 0,445, а R_s между качествами «россиянина» и «байкальца» был также достоверным – 0,70 (при уровне значимости 0,01). Таким образом, «байкалец» хотя и в полной мере сопоставим с «россиянином» по своим качественным характеристикам, но по ряду параметров приближен к самооценкам жителя Страны восходящего солнца. Можно сказать, что японцы по каким-то причинам определенным образом «идеализируют» образ байкальца по сравнению с «россиянином» (средняя оценка первого по всем качествам 1,42, второго – 1,06). Возможно, потому что они, как и местные жители, больше «азиаты».

Наличие эффекта «ореола» в оценке некоторых представителей других национальностей диалектично предполагает и возникновение «антиореола». Участвовавшая в исследовании по линии РГНФ аспирантка Н. Васильева провела опрос по приведенному выше семантическому дифференциалу немцев, которые побывали на Байкале, и немцев, которые не были в здешних местах (последний опрос осуществлялся при стажировке в ФРГ). Выяснилось, во-первых, что немцы, не бывавшие на Байкале, дали чуть более положительную оценку качествам байкальца (1,03 против 0,90 у «побывавших»). Во-вторых, немцы, не бывавшие на Байкале, на первое место среди предполагаемых характеристик «байкальца» поставили «гостеприимный», в то время как у тех, кто совершил поездки, это качество оказалось на последнем (пятнадцатом) месте. Такой «антиореол» можно объяснить очень просто: для немцев гостеприимство – это

Таблица 2

**Оценка японцами и немцами качеств «россиян» и «байкальцев»
по семантическому дифференциалу**

Характеристика	Оценка японцев		Оценка «байкальцев» немцами	
	Россиянин	Байкалец	побывавшими на Байкале	не побывавшими на Байкале (ФРГ)
Гостеприимный	1,60 (3)	1,83 (4)	0,13(15)	1,86(1)
Добрый	1,53(5)	1,92(2)	1,61(1)	1,67(3)
Сильный	2,00(1)	2,18(1)	1,35(3)	1,70(2)
Трудолюбивый	0,14(14)	1,36(10)	0,70(10–11)	1,17(7)
Откровенный	0,53(12)	1,60(7)	1,00(6)	0,74(10)
Тактичный	0,64(11)	1,55(9)	0,78(9)	1,07(8)
Агрессивный	0,56(13)	–0,57(15)	0,52(13)	0,71
Смелый	1,64(2)	1,89(3)	0,87(7–8)	1,24(5)
Доверчивый	0,13(15)	0,67(14)	1,04(5)	1,26(4)
Спокойный	1,50(6)	1,57(8)	1,30(4)	1,21(6)
Общительный	1,31(7)	1,70(5)	0,70(10–11)	0,62(12–13)
Интересный	1,14(9)	0,90(13)	1,48(2)	0,62(12–13)
Оригинальный	1,56(4)	1,33(11)	0,87(7–8)	0,48(14)
Бесшабашный	1,00(10)	1,67(6)	0,39(14)	–0,14(15)
Весёлый	1,20(8)	0,92(12)	0,69(12)	0,95(9)

прежде всего отличный сервис, обеспечение гигиены в быту и при переездах, пунктуальность и корректность в обслуживании, чего «байкальцу» явно не достаёт. Немцы, побывавшие на Байкале, более высоко оценивают такие качества местных жителей, как «интересный», «оригинальный», «откровенный», «спокойный».

В иллюстрации феноменов ксенофобии, гостеприимства, социальной дистанции и т.д. мы не случайно обратились к некоторым туристическим реалиям. Туризм наряду с его потребительской и экологической направленностью сегодня многими рассматривается как мощное средство формирования взаимопонимания между народами, этнической толерантности и межкультурной компетентности, преодоления ксенофобии и предвзятости. Но, как показывают некоторые данные приведенной таблицы, порой все происходит «с точностью до наоборот». В туристских контактах возникает еще один феномен межэтнического взаимодействия, который в современной литературе называют культурным шоком (далее к/ш). Развитие мнений, связанных с культурным шоком, не выгодно ни принимающим туристическим организациям, ни стране в целом, поэтому весьма важно видеть механизмы формирования к/ш и находить возможные «противоядия».

Рассмотрим механизм развития к/ш.

1. Наличие у зарубежного туриста ожиданий, связанных:

– с традициями сервиса, нормами бытового и делового поведения в стране проживания;

– рекомендациями международных документов («Кодекс туриста», «Хартия туриста»), предписывающих стандарты обслуживания посетителей и гостей в разных странах;

– опытом пребывания в туристических поездках за границу и знакомства с культурой обслуживания.

При отсутствии значимых для человека расхождений, несовпадений между названными ожиданиями причин для возникновения к/ш не возникает. При прочих равных условиях к/ш может быть выражен:

– *сильнее*, если реальная практика обслуживания отличается в негативную сторону от всех названных выше ожиданий;

– *слабее*, если: практика обслуживания в стране пребывания низкого качества, но немногим отличается от таковой на родине туриста; опыт сервиса в других странах был также невысокого уровня.

2. Фиксирование серьезных противоречий между ожиданиями (как должно быть) и реальными нормами обслуживания и поведения граждан в принимающей стране; возникает понимание, что ни сам турист, ни даже организаторы тура с этими расхождениями не могут и / или не хотят бороться: для них это привычные, «житейские» вещи.

3. Данная ситуация вызывает состояние тревоги, депрессии и даже враждебности, развивающееся от незначительного беспокойства до отвращения и возмущения в отношении культурных отличий того, к чему привык человек, и того, с чем ему пришлось столкнуться.

4. Отрицательные эмоции усиливаются, когда человек понимает, что в ближайшее время (например, чтобы не прерывать ожидаемых радостей и удовольствия от встреч с природой Байкала) он будет вынужден приспособляться к «беспорядкам» и следовать навязываемым нормам при всем их отрицании.

5. Человек использует установившиеся в его жизни способы восстановления своего психического здоровья и душевного равновесия, но они в должной мере не срабатывают, а порой вызывают еще большую тревогу.

6. Возникают гнев и обида по отношению не только к организаторам туров, но и в целом к стране пребывания, к ее примитивным и неполноценным традициям, ценностям, устоям, отсюда – негативное мнение о самих гражданах данной страны. И обоснованность возникновения предвзятости не может вызвать сомнения.

В процессе исследования по гранту РГНФ мы выявили основные причины, которые вызывают симптомы к/ш:

- 1) слабое знание иностранных языков обслуживающим персоналом (в частности, международного языка – английского);
- 2) антисанитария общественных мест и туалетов;
- 3) грубость в общении;
- 4) неудобства в общественном транспорте;
- 5) предвзятое отношение местного населения к иностранцам (предрасудки);
- 6) незнание стандартов и норм культуры обслуживания.

Особенно остро стоит вопрос о культуре и гигиене обслуживания. Вспоминается в связи с этим один эпизод: два западно-германских туриста-охотника, прибыв на отстрел медведя в зимовье одного из охотничьих хозяйств Прибайкалья, задали егерю первый вопрос: «Где у вас туалет?» Их резкая и даже, можно сказать, обидная для русских реакция на жест охотника указавшего во все стороны тайги была вполне понятной. Вопрос о гигиене и культуре обслуживания иностранных туристов все острее будет вставать в связи с развитием новых форм туристического обслуживания – так называемых гостиниц частного сектора, гостиниц по принципу «ночлег и завтрак», молодежных хостелов и т.п. Они, естественно, больше нужны в районах, сегодня не особо затронутых туристской индустрией или уже объявленных особыми экономическими зонами туристско-рекреационного типа. Таков в целом Байкальский регион.

Показывая содержание и причины возникновения к/ш у иностранцев, нельзя не упомянуть о детерминантах негативных взаимоотношений между представителями разных народов внутри нашей страны. В опросе учителей и родителей были названы причины негативного отношения к «чужим» (см. табл. 3).

Наблюдая высокую согласованность мнений родителей и учителей, вполне резонно предоставить читателю возможность самому сделать необходимые выводы. Обратим внимание на одно существенное обстоятельство: внешние особенности наружности представителей

«чужих» национальностей перестают быть раздражающим фактором, но поступки, действия, идущие вразрез с установившимися нормами и традициями «местных», бросаются в глаза и вызывают отторжение их «носителей». И это психологически не феномен «культурного шока», а проявление культурной, т.е. этнической защиты, ограждения, обороны своих ценностей, обрядов, ритуалов от инородного непризнания и неуважения.

Значительное внимание уделяется в последнее время роли религиозного фактора в межкультурных коммуникациях. Например, причиной серьезных конфликтов, произошедших в начале XXI в. во Франции, Дании (2006 и 2007 гг.), Италии и т.д., явились различия конфессиональных норм и догматов мигрантов и законов, установившихся в европейских государствах. Существует мнение, что именно религия становится точкой отсчета межнациональных коллизий. В России пока процесс возрождения религиозного сознания народов находится в самом начале. Хотя в дореволюционной стране многоконфессиональность, как известно, играла стабилизирующую роль в сотрудничестве и развитии российских народов.

В своих исследованиях мы постоянно включаем в анкеты вопрос о влиянии религиозных взглядов на характер межнациональных отношений. В предварительной версии результаты опроса представлены в табл. 4.

Как видно из таблицы, количество детей и взрослых, признающих положительную роль религии в межэтнических контактах, преобладает.

Этот момент ставит задачу разработки психолого-педагогических механизмов стабилизации межнациональных отношений с помощью религиозных позиций и ритуалов. Здесь имеется два значимых обстоятельства. Во-первых, в содержании разных религий всегда можно отыскать идентичные положения и догматы, которые не разъединяют, а объединяют людей. В частности, многим будет полезно узнать, что золотое правило христианства «не делай другим того, чего себе не желаешь», имеет аналогии во многих религиях:

- буддизм: не делай другим того, что сам считаешь злом;
- индуизм: не делай другим того, что причинило бы боль тебе;
- иудаизм: что ненавистно тебе, не делай другому;
- даосизм: считай прибыль ближнего своей прибылью, его потерю своей потерей;
- ислам: нельзя назвать верующим того, кто не желает сестре или брату всего того же, что желает себе.

Во-вторых, любая современная религия имеет своих приверженцев среди верующих разных национальностей. В частности, христиане могут быть в нашей стране русскими, бурятами, татарами, эвенками, якутами, а представители всех названных национальностей могут принять, например, буддийское вероисповедание. Это означает, что положительные христианские установки межличностного и межэтнического

Таблица 3

Причины негативного отношения к представителям других национальностей, %

№	Причина	Родители	Учителя
1	Грубость, агрессивность	54,5	54,8
2	Национальное высокомерие, чванство	45,1	53,7
3	Вызывающее поведение, нарушающее общественные нормы	47,9	51,8
4	Объединение противоправных группировок на национальной почве	34,9	36,3
5	Нетерпимость к чужой вере и религии	29,7	29,3
6	Нежелание работать, стремление к легкой наживе	28,6	27,0
7	Низкий уровень культуры, духовности	24,3	25,1
8	Проявление национализма в бытовых отношениях	20,3	19,5
9	Националистические высказывания в публикациях, теле- и радиопередачах	17,0	18,8
10	Стремление окружить себя людьми своей национальности	16,5	12,2
11	Низкая коммуникативная культура	7,8	10,0
12	Разительные внешние отличия, непохожесть	4,4	3,7

Таблица 4

Оценка влияния религиозных взглядов на характер межнациональных отношений, баллы

Влияние	Субъекты оценки		
	Учащиеся	Родители	Учителя
Положительное	12,4	14,1	12,3
Скорее положительное, чем отрицательное	23,7	25,0	29,7
Никакого не оказывают	12,8	14,4	13,3
Скорее отрицательное, чем положительное	15,4	14,0	13,3
Отрицательное	5,7	2,8	3,7
Не ответили и затруднились ответить	30,1	29,7	27,5

кого общения могут через адептов данной религии распространяться в сознании других народов.

Необходимость преодоления негативных феноменов, возникающих в контактах представителей разных народов, равно как и важность сближения этноконфессиональных потенциалов общения, сегодня все чаще проявляется в таком понятии, как «межкультурная компетентность». Термин «компетентный» происходит от лат. *competentis* – соответствующий, способный, т.е. обладающий компетенцией, а у термина «компетенция» уже другое основание – *competentia* – принадлежность по праву. Некоторые исследователи приводят иной источник латинского основания данного понятия: от глагола *competere* – добиваться, соответствовать, подходить [10. С. 109].

Термин *компетенция* в последнем своем значении весьма близок понятию *компетентность*. Оба термина представляют собой определенное интегральное свойство, совокупность взаимосвязанных и взаимопроникнутых характеристик личности, позволяющих вполне успешно выполнять закрепленные роли даже в самых трудных ситуациях. «Кот должен ловить мышей, крестьянин – работать в поле, руководитель – руководить, но все должны выполнять свои функции со знанием дела», – говорит китайская пословица.

Вместе с тем слово «компетентность» более точно отражает интегральное личностное свойство. В этом можно убедиться на основании простого анализа. Слово «компетентность» имеет содержательно оформленный антоним «некомпетентность». Люди по уровню своей компе-

тентности могут находиться на двух полюсах: совершенный мастер и совершенный неумелец; одновременно существуют (как и в любом нормальном распределении) индивиды с различными уровнями компетентности/некомпетентности. Понятие же «компетенция» не предполагает альтернативы, поскольку чаще выступает как формальная модель, отражающая совокупность значимых для деятельности или общения качеств и требований, круг обязанностей, нишу закрепленных функций и т.п. В данном случае нерационально заниматься разработкой «антимодели» в связи с ее практической ненужностью.

Разобравшись с понятиями «компетенция» и «компетентность», остановимся на определении межкультурной компетентности. Можно выделить две значимые интерпретации. В первой, близкой к академической, ей предпослана аббревиатура МКК, что означает *межкультурно-коммуникативная компетентность* и подразумевает способность осуществлять эффективную коммуникацию в коммуникативном контексте. Второе определение межкультурной компетентности более приближено к практике и трактуется как «общая способность жить, работать и отдыхать в условиях межкультурных и кросскультурных различий, существующих в повседневной жизни» [8. С. 308–310].

Авторитетные специалисты по психологии межнациональных отношений Г.У. Солдатов и А.В. Макачук в своих работах рассматривают феномен «социокультурная компетентность», оптимальный уровень которой определяется как «наличие у человека специальной си-

стемы мотивов, знаний, умений и навыков, позволяющих успешно строить позитивные отношения с различными людьми, в том числе и с непохожими по самым разным параметрам: этнокультурным, религиозным, расовым, социальным и мировоззренческим» [8. С. 40]. Несмотря на то, что данное определение звучит в работе, суть которой в профилактике ксенофобии, нам импонирует факт установления более широкого содержания социокультурной компетентности по сравнению с ее узкими межэтническими аспектами – этнокультурными и расовыми. Такой подход более рационален.

Межкультурную компетентность (МК, или МКК) вполне естественно было бы увязать со знанием языков: чем больше их знает человек, тем он компетентней. Это хорошо проиллюстрирует поведение и деятельность дипломатов, политиков, деловых людей, связанных с транснациональными корпорациями, и т.д. Кстати, изучение иностранных языков порой называют одним из основных способов воспитания межкультурной компетентности [10. С. 110]. Но если взять *обычного* человека, которому в силу профессиональных функций приходится вступать в контакты с людьми разных национальностей, то критерий знания языка используется редко по двум обстоятельствам: а) уровень знания иностранных языков минимум у 80% взрослых жителей страны крайне низок; б) сегодня уже невозможно знать языки всех народов, с которыми приходится взаимодействовать бизнесменам, туроператорам, государственным и муниципальным чиновникам, милиционерам и сотрудникам ГАИ и т.д. Знание языков может даже сдерживать развитие МК по отношению к представителям других культур. Знать язык в полной мере – мыслить на нём неосознанно. Значит, впитываются соответствующие стереотипы. Например, при изучении западно-европейских языков это могут быть установки индивидуализма. И разговор с коллективистом становится труднее. Даже по этим причинам можно уверенно сказать, что МК и знание языков – это далеко не одно и то же, причём первым овладеть гораздо труднее, чем вторым.

В последнее время многими кросс-культурными психологами предпринимаются усилия наполнить феномен «межкультурная компетентность» конкретным психологическим содержанием. В частности, Д. Мацумото в своей работе приводит 52 фактора, выявленных эмпирическим путем и, по мнению автора, более всего характеризующих МК [8]. Однако при анализе приведенных факторов обнаруживается, что свыше 80% из них говорят не столько о МКК, сколько о способностях, качествах, требованиях (модели компетенции), необходимых для эффективного общения на любом «внутрикультурном», «внутринациональном» уровне. К собственно межкультурным факторам можно отнести лишь 8 из них, в том числе:

- способность приспосабливаться к разным культурам;
- способность действовать в различных общественных системах;

- осознание значимости культурных различий;
- культурную эмпатию;
- отсутствие этноцентризма.

В процессе исследования мы предложили учащимся, родителям и учителям выделить из 12 коммуникативных способностей и умений наиболее значимые, которые можно отнести к межкультурной компетентности; 6 из них по гипотезе исследования относились к общим составляющим успешности любых межличностных контактов, а шесть имели определенную межэтническую окраску. Все три категории респондентов оказались близкими (R_s в пределах 0,85–0,95 при значимости на уровне 0,01) в оценках наиболее существенных качеств МК. Но среди первых четырех потенциалов и умений были названы лишь общие: способность легко и быстро устанавливать отношения с людьми; терпимость к противоположным взглядам и мнениям; умение избегать конфликтных ситуаций. Специфические для МК особенности были по рангу ниже: понимание своеобразия разных народов – на пятом месте, вслед за ним – уважение к ритуалам и религиозным ценностям других народов, умение найти подход к представителям других национальностей. Соотношение «веса» выделенных общих и специфических умений в цифровом выражении и у старшеклассников, и у родителей, и у учителей было как минимум 2:1, т.е. «общие» опять-таки преобладали.

Исследование структуры и содержания МК и МКК находится на начальном этапе, и здесь, несомненно, возможны открытия. Очень важно использовать уже наработанный материал. К примеру, еще в середине 1990-х гг. автором данной статьи на базе Байкальского региона было проведено достаточно объемное теоретическое и эмпирическое исследование феномена межэтнического взаимодействия народов, проживающих на этой территории, и определены социально-психологические условия его эффективности. Межэтническое взаимодействие может быть эффективным, когда:

- взаимодействующими этносами признается уникальность и самоценность каждого из них и личностей, их составляющих, право любого на собственный менталитет и оценку происходящих событий;
- не подлежат сомнению уровень национального достоинства представителей этносов, их высокие адекватные самооценки и самоуважение, в то же время чуждые элементы национальной исключительности, самодовольства, пренебрежения другими нациями;
- партнеры не допускают взаимной предвзятости, вульгаризированных стереотипов – «ярлыков» (прежде всего образов «агрессора», «притеснителя»), стремятся к преодолению различных предрассудков по отношению друг к другу;
- признаются и положительно оцениваются своеобразные традиции, обычаи, обряды, другие этнические нормы народов (в частности, этические, включая эти-

кет), во взаимных контактах соблюдаются наиболее значимые из них;

– участие в совместной взаимовыгодной деятельности, решении общих проблем, обмене товарами и услугами позволяет представителям этносов эффективно реализовать индивидуальные роли, соответствующие их склонностям и способностям, дают личности возможность поднять собственный престиж и статус;

– представители и образовательные структуры этносов обеспечивают изучение языков друг друга, реализацию межкультурного образования, включающую в себя, с одной стороны, знание особенностей культуры и быта других народов, с другой – учет этнопсихологических особенностей субъектов познавательного процесса при их обучении;

– лучшие атрибуты «иной» культуры, уникальные особенности других этносов, специфические умения и

навыки их представителей воспринимаются как возможность расширения собственных потенциалов и способностей, как перспективы развития [2. С. 176].

Естественно, названные условия эффективности межэтнического взаимодействия могут дополняться и варьироваться в зависимости от конкретных обстоятельств, к которым в первую очередь необходимо отнести большинство из рассмотренных в статье феноменов: адресность ксенофобии и сопутствующий ей компонент гостеприимства, эффекты ореола и антиореола в межэтнических контактах, культурный шок и его детерминанты, влияние религии на характер межнациональных отношений и т.д. Межкультурная компетентность обязательно должна включать в себя понимание ее носителями не только общих требований к эффективности межличностной коммуникации, но и осознание ими причин и факторов возникновения и развития рассмотренных феноменов.

Литература

1. Винокуров М.А., Карнышев А.Д. Введение в экономическую этнопсихологию. Иркутск: БГУЭП, 2007.
2. Карнышев А.Д. Межэтническое взаимодействие в Бурятии: социальная психология, история, политика. Улан-Удэ: БГУ, 1997. 184 с.
3. Карнышев А.Д. Очерки социальной психологии. Иркутск: ИГУ; БГУ, 1998. 325 с.
4. Карнышев А.Д. Ксенофобия: психологическая структура, детерминанты и стратегия преодоления // Экономическая психология: современные проблемы и перспективы развития. СПб., 2004. С. 95–101.
5. Карнышев А.Д., Жуков К.С., Шестак В.Ф. Психология в политической деятельности. М.: ИМА-Пресс, 2004.
6. Котлер Ф., Боуэн Дж, Мейкенз Дж. Маркетинг. Гостеприимство. Туризм: Учебник для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 1071 с.
7. Крижанич Ю. Политика. М.: Новый свет, 1997. 527 с.
8. Мацумото Д. Психология и культура. СПб.: ЕВРОЗНАК, 2002. 416 с.
9. Солдатова Г.У., Макачук А.В. Может ли другой стать другом? М.: Генезис, 2006. 256 с.
10. Тен Ю.П. Культурология и межкультурная коммуникация: Учебник. Р н/Д.: Феникс, 2007. 328 с.
11. Трофимова Е.Л., Карнышев А.Д. Методы исследования и оптимизации межэтнического взаимодействия. Иркутск: БГУЭП, 2007. 224 с.
12. Экономическая этнопсихология: от теории к практике / Под ред. А.Д. Карнышева. Иркутск: БГУЭП, 2006. 189 с.
13. Этнопсихологические ресурсы экологии и туризма: Учеб. пособие / Под. ред. А.Д. Карнышева. Иркутск: БГУЭП, 2007. 195 с.

PHENOMENA OF INTERETHNIC INTERACTION AND INTERCULTURAL COMPETENCE
A.D. Karnishev (Irkutsk)

Summary. Expansion of interethnic contacts of Russians as inside of the country and abroad increase of their intercultural competence demand. What problems rise on this way and effective interaction should answer what conditions reflects this scientific article.

Key words: hospitality, cultural shock, the mechanism of ethnic protection, Interethnic interaction, inter-cultural competence, xenophobia.